

«Калтекс», «Кока-кола» и многие другие американские компании выколачивают из Таиланда огромные прибыли. Рекламы этих компаний, назойливо навязывающих свои услуги, можно увидеть даже в глухих деревушках, затерянных в дельте реки Чао Пья.

БАНГКОК просыпается рано. Но в центральных кварталах в эти часы еще пусто и безлюдно. На улице Королевских прогулок, в зданиях министерств и посольств — тишина. Вокруг — ни души. Только у подъезда штаб-квартиры СЕАТО шагают часовые в белых касках...

Человек в военном мундире стал основной фигурой политической жизни сегодняшнего Таиланда. После переворота 1958 года в стране была установлена открытая военная диктатура. Прогрессивные элементы жестоко подавлены. В тюрьмах томятся депутаты бывшего Национального собрания, мэры некоторых городов, чиновники, преподаватели,

ли, торговцы и даже монахи. Полиция систематически устраивает обыски в школах, частных домах, монастырях и магазинах. Всех заподозренных в «коммунизме» ждет военный суд. Недавно несколько человек были обвинены в этом «грехе» на том лишь основании, что носили одежду, произведенную в Народном Китае.

Военные повсюду: вся государственная машина представляет собой многоступенчатую пирамиду военных чинов.

С одним из таких новых «военных администраторов» я познакомился в курортном местечке Бангсене на берегу Сиамского залива. Как-то, залюбовавшись живописным побережьем, я остановил ма-

С. КИСЕЛЕВ
(АПН)

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

ЯНКИ В СТРАНЕ ТАИ

Особняк на Раджадеман-авеню в Бангкоке, где расположилась штаб-квартира СЕАТО. Здесь разрабатываются преступные планы агрессии против национально-освободительного движения народов Азии.

шину около ресторана. Невдалеке за столиками, расставленными прямо на песчаном берегу, располагалась довольно большая группа людей — невысокие темнолицые офицеры, одетые в серо-зеленую форму, дамы в модных платьях, оживленно болтавшие, мешая сямскую и английскую речь.

Не успел я снова сесть в машину, чтобы поискать места поспокойнее, как ко мне подошел один из тайландских офицеров.

— Полковник Висун Паяк, — представился он и пригласил меня принять участие в торжестве. Вскоре выяснилось, что поводом празднества явилось трехлетие возглавляемой им спичечной фабрики, построенной в окрестностях Бангкока.

— У нас на фабрике — образцовый порядок и дисциплина, — рассказывал Висун Паяк, усадив меня за ближайший столик. — Все административные посты занимают офицеры тайландской армии. Доход

каждого зависит от усердия и занимаемой должности. Правда, нам достается не вся прибыль. Большую часть берут наши союзники: в фабрику вложен солидный американский капитал. Но мы не жалуемся, ведь каждый офицер получает помимо этого свой армейский оклад от государства. Правительство заботится о нас: фабрика на пять лет освобождена от налогов. За это время мы постараемся устранить конкурентов. И весь тайландский спичечный рынок будет наш! Ну, где вы видели, чтобы правительство так заботилось о своих солдатах?

Я согласился, что ничего подобного нигде не видел. Сославшись на срочные дела, я отправился в местную гостиницу: наступал вечер, пора было подумать о ночлеге.

Во всем, что рассказал полковник Паяк, трудно было сразу разобраться. Мне и до встречи с ним было ясно, что Таиланд превратился в военную базу американского империализма в Юго-Восточной Азии. Теперь я воочию увидел, как страна может быть оккупирована своей же собственной армией, если этой армией командуют американцы — офицеры из «ДЖУСМАГ» — Объединенной группы американских военных советников. По сообщениям тайландских газет, их содержание обходится тайландскому народу в 500 миллионов бат ежегодно.

Даже краткосрочного пребывания в Таиланде достаточно, чтобы убедиться в том, что за союз с США Таиланд расплачивается своей независимостью. В обмен на американскую «помощь» он вынужден увеличивать расходы на вооружение. Сотни американских «экспертов» заняли ключевые позиции во всех учреждениях страны.

Толкая Таиланд на путь милитаризации, США сознательно удерживают его на положении слаборазвитой страны. Американские монополии буквально душат внешнюю торговлю Таиланда, тормозят развитие промышленности.

...Мне часто приходилось бывать на Нью-роуде и Яварате — главных торговых улицах Бангкока. За роскошными зеркальными стеклами витрин — товары лучших фирм Нью-Йорка, Токио, Лондона, Дюссельдорфа... Можно часами бродить по этим улицам, переходя из магазина в магазин, — тайландских товаров в них почти не увидишь. Правительство Таиланда не препятствует ввозу даже тех товаров, которые можно было бы производить в стране. Почти треть импорта составляет текстиль, в то же время национальная текстильная промышленность с каждым годом сокращается. Только изделия из бронзы и серебра, которыми издревле славилась бангкокские ремесленники, находят до сих пор спрос у иностранных туристов, падких до восточной экзотики.

...Случай помог мне познакомиться с тайскими рисоторговцами. Моим соседом по гостинице оказался совладелец довольно известной фирмы в Сянгане, торгующей рисом по всему Дальнему Востоку. Это был пожилой благообразный китаец, который каждое утро в один и тот же час отправлялся по своим делам. Вечером, возвращаясь в номер, он снимал европейский костюм и надевал китайскую одежду: шаровары, черную шелковую куртку и мягкие матерчатые туфли. После этого на его лице не оставалось и следа утренней официальности. Он быстро перезнакомился почти со всеми обитателями нашего этажа, частенько заглядывал и ко мне.

За плечами мистера Чена был опыт многих лет жизни. Он прекрасно разбирался во всех сложностях экономики и политики на Востоке. В своих торговых делах он был немного старомоден, но на

жизнь смотрел трезво и отлично понимал, кому принадлежит будущее. Своих сыновей он отправил учиться в Народный Китай. Туда же перевел и часть своего капитала, который передал правительству. Одним словом, это был довольно распространенный сейчас в странах Юго-Восточной Азии тип китайского дельца.

Незадолго до отъезда в Сянган мистер Чен пригласил меня в гости: «Угощу вас китайским обедом. Ведь сейчас настоящая китайская кухня осталась только в Шанхае, Сянгане и здесь, в Бангкоке, в филиале знаменитого гонконгского ресторана «Сады принцессы».

Стол был накрыт в отдельном кабинете на втором этаже. Кроме мистера Чена и его сестры с мужем, здесь было еще несколько рисоторговцев. Разговор, естественно, зашел о том, что больше всего волнует сейчас тайландских купцов — о рисе. Рис — основная продовольственная культура Таиланда, он составляет больше половины экспорта страны.

— Тяжелые времена настали для нас, — обращаясь ко мне, говорил шурин мистера Чена, мой сосед по столу. — Американские «друзья» нередко ставят нам палки в колеса. В прошлом году они неожиданно продали Индии крупную партию риса, хотя, по договоренности с ними, рис в Индию должны продавать мы. Вместе с производителями риса нам удалось тогда заставить наше правительство выразить самый решительный протест американцам. Скандал принял такие размеры, что США вынуждены были официально заверить правительство Таиланда, «исходя из чувства дружбы и хороших отношений между странами», что в дальнейшем такие случаи не повторяются.

— Но, видно, чувство дружбы, — с горечью продолжал мой собеседник, — отходит у США на второй план, когда дело касается барышей.

— Спустя несколько месяцев, — пояснил он, — американцы вновь продали довольно крупную партию риса — на этот раз прямо у ворот Таиланда, в Сингапуре, который мы считаем нашим рисовым рынком с незапамятных времен. Каждый разумный торговец знает, что для успешной торговли нужно постоянно заботиться о расширении рынка, а что делаем мы? Вернее, что заставляют делать нас наши «союзники» — американцы? Они запретили нам продавать рис Китаю и другим социалистическим странам. Торговые ограничения, навязанные нам американцами, — страшный бич для экономики Таиланда. За время нашего союза с Америкой они, правда, ассигновали нам 4,5 миллиарда бат в виде «помощи». Но миллиардов этих никто и не видел. Они пошли на военные приготовления. А вот на одной торговле каучуком мы понесли убыток, опять-таки из-за американцев, примерно в шесть миллиардов бат. А вы представляете себе, что такое шесть миллиардов бат? Этих денег хватило бы на строительство Кра-канала!...

Засилье американцев чувствуется во всем. В последние годы экраны тайских кинотеатров наводнены низкопробными американскими фильмами. Только в двух-трех кинотеатрах второго разряда можно увидеть тайские фильмы, да и то не всегда. Газеты Таиланда вынуждены были заговорить во весь голос о тлетворном влиянии американских гангстерских фильмов на молодежь. Бандитизм среди подрастающего поколения достиг таких размеров, что

министр внутренних дел страны обратился к правительству с просьбой выделить дополнительно три миллиона бат для борьбы с преступностью. Министр рассказал корреспонденту газеты «Пим Тай» о действиях банды «Белые орлы» во втором по величине городе Таиланда — Чиенгмае. Сотня молодых бандитов терроризировала население всего города. Члены банды, вооруженные автоматами, ручными гранатами и даже пулеметами, подражали героям голливудских боевиков во всем — одевались так, как одеваются бродвейские стилисты, грабили и убивали тоже по их рецептам.

Таиландцы — люди сдержанные и скромные. Им глубоко чужды развязность и грубая сексуальность американских фильмов, цинизм и эгоистичность «американского образа жизни». Неприязнь и презрение тайцев ко всему американскому проявляется на каждом шагу. Вслед американцу всегда несутся по улице унижительные словечки. На его просьбы не обращают внимания. Его вопросы остаются без ответа. Все это — естественный протест против чванливого отношения американцев к жителям стран Востока.

...В один из воскресных дней, бродя по Прамаян-Граунд, я остановился у лотка с фруктовыми соками. Продавец — высокий худой человек лет сорока, в черной рубашке навыпуск и коротких штанах, привычным движением наполнил стакан мутным, зеленоватым соком лимона. Других покупателей не было. Мы разговорились. Мой новый знакомый — Пичай Вичиравит — недавно занимается торговлей. Прежде он работал в департаменте ирригации, но в 1958 году его уволили.

— Вспомнили, что одно время я был профсоюзным работником... Полгода бедствовал, потом друзья помогли начать торговлю. Мне еще повезло — в профсоюзе я занимал весьма скромный пост, а то мог бы угодить и за решетку.

— А ведь было время, — продолжал торговец, — когда здесь, на Прамаян-Граунд, наш профсоюз проводил митинги. Ну и крепко же доставалось на этих митингах «фарангам!»². Каждый таец знает, что с тех пор как Таиланд вступил в СЕАТО и стал получать американскую «помощь», цены на рис и квартирная плата возросли вдвое. Наш народ никогда не согласится, чтобы Таиланд стал американской колонией. Мы не были колонией в прошлом, когда все наши соседи — Бирма, Камбоджа, Лаос и Малайя — были захвачены империалистами. Недавно и звались мы «мыанг Тай» — свободные тай. А теперь? Наши соседи строят свободную жизнь, а мы все крепче запутываемся в «дружеских» объятиях американской «помощи».

С искренней теплотой и симпатией рядовые тайландцы относятся к советскому народу. До сих пор трудно без волнения вспомнить, как простые люди делали все возможное, чтобы мое пребывание в Таиланде было приятным и интересным. Буддийский монах целый день показывал мне древние храмы Аютии. Рабочий типографии в Бангкоке, получив в подарок значок, говорил нам на следующий день, что к нему приходили люди с других улиц, чтобы своими глазами взглянуть на сувенир из Москвы.

...Я покидал Таиланд с чувством глубокого убеждения, что тайский народ нуждается сейчас больше всего в мирном развитии своей экономики, в быстром подъеме жизненного уровня, в дружбе и бескорыстной помощи народов, помогающих слабо развитым странам Востока.

¹ Речь идет о проекте строительства канала через перешеек Кра в самом узком месте Малаккского полуострова. Подробнее об этом канале см. «Азия и Африка сегодня», № 12 за 1961 год.

² Оскорбительное прозвище американцев в Таиланде.